

Василий Карасев

# *Старт из богадельни*

Космическое фэнтези



**Василий Карасев**  
**Старт из богадельни.**  
**Космическое фэнтези**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=24390908](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390908)*  
*ISBN 9785448530555*

**Аннотация**

А я ведь хотел всего лишь тихо—мирно дожить оставшиеся годы... Наслаждаясь покоем и неторопливым течением времени в песочных часах Чужой Судьбы. Не повезло... Прошное, словно дикий с дубиной, выскочило из-за угла, и было намерено крепко отдубасить ни в чем не повинного старика. Впрочем, «ни в чем не повинного» это, конечно, преувеличение. С такой-то профессией!

# Содержание

Кобра атакует	8
Заначка на черный день	12
Неожиданный попутчик	16
Неопознанный кричащий объект	25
Индивидуальный тур в дальний космос	29
Приказано остановиться	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

# Старт из богадельни Космическое фэнтези

**Василий Карасев**

© Василий Карасев, 2017

ISBN 978-5-4485-3055-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я видел множество миров и все они похожи друг на друга, как стихи одного графомана на стихи другого. Это и неудивительно: надо же где-то тренироваться и учащимся школы для миротворцОв. Вот и списывают друг у друга миры, выдавая за свои и получая заслуженные тройки. Создать свой, авторский мир из стандартного набора «Вселенная для чайников» дано не каждому.

Хотелось бы и мне посмотреть на творения мастеров своего дела да видно уже не придется... Годы мои летят, словно монеты в потрепанную шляпу нищего времени. А мне остается лишь наблюдать за закатом, раскачиваясь в плетеном кресле и торопливо гасить сигару при приближении доктора. Он считает, что мне вредно курить. На самом деле мне вредно стареть, но юноша—доктор об этом не догадывается....

...В мире, где я родился и вырос сегодня 31 октября 2086 года. Зовут меня Степан Трофимович Сотрапезников, и это полная ерунда. Чушь, галиматья и бред сивой кобылы. Также как и то, что мне 86 полных лет и я бывший слесарь—сантехник какого-то там жилищного товарищества. Честно говоря, я даже не знаю что такое «жилищное товарищество». Впрочем, именно честности мне всю жизнь и не хватало. Не потому, что я неисправимый лгун. Просто жизнь иногда становится ветром. И играет нами, словно сухими листьями, унося в дальние края....

– Степан Трофимович! Проснитесь!

– А? Чего? Бластеры к бою!...Фу ты... Ярослав, опять вы меня напугали... – я укоризненно посмотрел на улыбающегося доктора. – Нельзя же так резко будить старика. Он может зацепиться за что-нибудь во сне и не проснуться!

– А вы опять фантастики начитались, Степан Трофимович? «Бластеры к бою!» Никогда бы не подумал, что вы любитель этого чтива... Ай—я—йй! При вашей-то бывшей профессии!

Тут нужно кое—что разжевать, ибо непрожеванная информация куда хуже недожаренного бифштекса. От последнего разве что желудок маяться будет, а от первого – мозги. Выбирайте, что для вас лучше. Так вот, разжевываю. Заведение, в котором мы, старые пни, ожидаем, пока нас окончательно выкорчуют из этой жизни, официально называется

Приютом для работников коммунального хозяйства. И все мы здесь числимся этими самыми работниками.

Вон тот седой старикан с длинным и заковыристым, как у бабы Яги, носом и редкой козлиной бородкой, бывший электрик. Хотя, подозреваю, он за всю жизнь не вкрутил ни одной лампочки. Зовут его, кстати, Михаил Дитятович. Хотел бы я посмотреть на его папу с таким идиотским именем – Дитята! А еще бы не прочь на деда, давшего своему дитяте такое имечко. Жаль, я сам уже давно престарелый старикан и пересечься нам явно не придется.

А вон тот бодрый дедуля с тросточкой, щелкающий фотокамерой цветочки на клумбе – Яков Рувимович Штокман – бывший уборщик дворовой территории. Вам смешно? Яков Рувимович и уборщик! Мне таки тоже да.

На самом деле ни для кого не секрет, что это Богадельня для шпионов. Бывших, разумеется. Тех, кто дожил до старости. Их немного, но вот на одну богадельню все—таки набралось. Вы спросите, а зачем тогда вся эта возня с фальшивым прошлым? А я таки знаю? Тьфу, ты.... Вот прицепилось же это идиотское «таки»! Это все потому, что старый хрыч Рувимыч глаза мозолит...

Но самое смешное было не в том, что я очутился в богадельне для шпионов. Самое смешное, что я никогда никаким шпионом не был. Но такова уж моя судьба: всю жизнь выдавать себя за другого.

— А разбудил я вас не просто так! — последняя фраза прозвучала в устах доктора как-то торжественно. И я сразу насторожился. Что поделаешь — привычка. Хотя чего мне сторожиться в мои-то годы. . . .

— Не просто так? Никак укол новый выдумали?

— Да ну что вы, Степан Трофимович! К вам посетитель! Вернее, посетительница. . . Краси—и—вая! Она из журнала «Тайны истории», журналистка. Слышали о таком?

Журналисты к нам иногда заглядывают, это да. . . Все секретные данные в наше время автоматически расшифровываются через сорок лет. Ну, по крайней мере, так положено по закону. Раз в год, в июне. . . . Наверное, в этом году рассекретили что-то интересное для широкой публики. Но я-то тут причем?! Или это как-то касается Степана Трофимовича Сотрапезникова?

— Ну так что, Степан Трофимович? Сами прогуляетесь или кар вызвать?

— Сам дойду! — буркнул я.

И действительно дошел. Сам. Хотя, между нами говоря, выглядело это зрелище весьма жалко! Впрочем, хоть этому я научился в своей жизни хорошо. Чему этому? Притворяться, конечно.

# Кобра атакует

В жилой корпус посетителей не пускали. Для встреч отводилась специальная площадка перед зданием администрации с несколькими древними – столетней давности – беседками. Они замечательно портили пейзаж своей неуместностью. Новенькое, с иголочки здание из пластика и стеклозаменителя и несколько уродливых кирпичных построек с покосившимися деревянными крышами.

– Стефан Трофимович?

Серый в полоску костюм, белоснежная блузка, золотой скарабей на лацкане и дорогая кожаная папка в руках. Интересно, скарабей – символ? Или просто украшение? Шансы, пожалуй, фифти—фифти. В переводе на русский – бутылка на двоих. Волосы каштановые, до плеч и глаза нараспашку. Опасные, однако, глаза. Ну, для тех, кто помоложе. Я уже какими только женскими глазами не переболел.

– Стефан Трофимович? – повторила девушка.

Имя она произносила как-то странно: «ф» вместо «п» и ударение на первый слог. Польские корни?

– Кто? – тупо спросил я, разыгрывая идиота.

Девушка с каштановыми волосами забеспокоилась. «Только впавшего в детство старика для полного счастья не хватает». Слова эти аршинными буквами были написаны на ее лбу. Только не переиграть....



– Сотрапезников Стефан Трофимович это вы?

Что мне всегда удавалось – это мутный взгляд. Ничто так не сбивает с толку собеседника, как грязно—серая занавеска, повешенная на глаза. Только не переиграть....

– Сотрапезников-то? Я Сотрапезников. А вы кто будете? Новый доктор?

Молодой парень в кожаной куртке подъехал на мотоцикле к воротам и остановился.

– Я не ваш врач. Я представляю прессу. Вы должны нас знать – сайт «Тайны истории» с рассылкой бумажной копии по подписчикам. Стефан Трофимович, вы меня слышите?

Я радостно кивнул и пустил слюну – девушку слегка передернуло. Мотоциклист остановил свой взгляд на нас и чуть заметно улыбнулся. Его подружка?

– Недавно Правительством рассекречены данные 2046 года, операция «Кобра», – девушка кормила меня словами по слогам, словно из чайной ложки. Как и положено кормить стариков, впавших в детство, – Стефан Трофимович, соберитесь. Вы помните операцию «Кобра»?

Настоящий Стефан Трофимович, может, и помнил. А я слышал в первый раз. Поэтому нервно потряс головой и прошамкал (ах, до чего же хорошо я все—таки шамкаю!):

– Кобра? Змея это... Меня чуть не укусила за руку когда-то. А вы кефир нам во сколько принесете?

Еще пара реплик невпопад и от меня отвяжутся. Только не переиграть...

И тут я все же переиграл. Рефлексы, будь они неладны! Некоторые вещи тело делает прежде, чем голова осознает последствия. Ну не может выживший из ума дряхлый 86—летний старик увернуться от летящей в него пули! Это невозможно! Тот самый старик, который только что едва ковылял. А я, дурак, увернулся. И девушку успел уронить, спасая. Стрелял тот самый мотоциклист.

Он, конечно, и сам виноват. Как бы жалко не выглядела будущая жертва, расслабляться ни в коем случае нельзя. Азы, черт побери. Его движения читались еще до того, как он их делал. А значит, давали жертве неплохой запас времени. Хорошо координированной и тренированной жертве лет на сорок помоложе, чем я... Впрочем, он имел шанс исправиться, если бы выстрелил сразу же после неудачи. Но и здесь он потерял пару драгоценных секунд, и я, уронив девушку за беседку, оказался в безопасности.

Больше шансов у стрелка не было. Охрана уже бежала к месту происшествия, над парком взывала сирена, а тяжелые металлические ворота закрывались. Я бы на месте неудачливого убийцы смотал удочки и порвал когти на мелкие кусочки. Он так и поступил.

Я бросил по-прежнему мутный взгляд на лежавшую рядом девушку и на всякий случай — а вдруг пройдет — прошамкал:

— Мы упали? А где мой кефир?

Но не прошло. Девушка посмотрела на меня так, будто я

самая хитрая бестия в этом мире. Впрочем, в каком-то смысле так оно и было. Уголки ее губ ехидно завернулись, а глаза приобрели ироничный оттенок.

– Мы очень удачно упали, Стефан Трофимович!

Умеют все—таки женщины вложить в самую простую фразу двести декабайт подтекста....

# Заначка на черный день

А я ведь хотел всего лишь тихо—мирно дожить оставшиеся годы... Наслаждаясь покоем и неторопливым течением времени в песочных часах Чужой Судьбы. Не повезло... Прошрое, словно дикарь с дубиной, выскочило из-за угла, и было намерено крепко отдубасить ни в чем не повинного старика. Впрочем, «ни в чем не повинного» это, конечно, преувеличение. С такой-то профессией!

Эх, не отстанут от меня теперь. Ни девушка с каштановыми волосами, стоящая рядом и потирающая ушибленный бок, ни полиция, которая будет максимум через полчаса, ни желающие сделать меня мишенью мотоциклисты...

Неожиданно защемило сердце. Лицо мое утратило прежнее идиотское выражение, глаза потеряли наигранную муть и лишь дыхание подвело... стало тяжелым и прерывистым дыханием человека, которому плохо.

– Вы меня раскусили, – с усилием улыбнулся я девушке. Прижал ладонь к груди и добавил, – да, это было славное дело – операция «Кобра»! Видите, оно до сих пор стреляет в меня. И все никак не может убить. Но мы еще повоюем....

– Вам плохо? – в ее голосе одновременно было и сочувствие, и подозрение.

– Нет, ничего... Сердце прихватило. Пройдет сейчас. Проводите меня до медпункта, тут за углом, – я поднял дрог-

нувшую руку и показал на дорожку, выложенную квадратными плитами.

— Может быть врача?

Девушка взяла меня под локоть и, поддерживая, повела по дорожке.

— Нет—нет... Я просто таблетки забыл. Все будет хорошо. Там и скамеечка есть, где наши влюбленные встречаются... Там с вами и поговорим.

— Ваши влюбленные?

— Ну да... О! Вы думаете, что старость это... У нас такие романы случаются! Тем более, раньше-то людям нашей профессии просто некогда было влюбляться... Вы вот здесь подождите, на скамейке. Я сейчас, только таблетки возьму.

И я вошел в помещение медпункта.

Прошел по коридору, завернул под лестничный пролет, толкнул тяжелую металлическую дверь и оказался с другой стороны здания. Шаг мой разительно изменился, он больше не походил на шаркающую походку немощного древнего старика. Впрочем, и до эпитета «бодрый» ему было далековато. Сердце тоже успокоилось. На меня, знаете ли, всегда благотворно влияла атмосфера медпунктов, особенно если у них есть запасные выходы. Итак, что мы имеем? Спецслужбами рассекречено какое-то дело под кодовым названием «Кобра» сорокалетней давности. Ниточки от него тянутся в сегодняшний день, и кто-то очень не хочет, чтобы делом ин-

тересовалась пресса. И потому убирает очевидцев – или может очевидца? Единственного свидетеля? А самое смешное в том, что этот свидетель как раз свидетелем-то и не является.

Я шел вдоль каменного забора, и высокие худые сосны неловко кидались в меня шишками. На прощание. Потому что оставался только один выход – исчезнуть как можно скорее. Так называемый «черный день» наступил. Вернее наступал – черное солнце едва—едва показалось из-за горизонта. Пора было доставать заначку – из тех, что так и называются «на черный день». Но в отличие от заначки обывателя в моей лежали не деньги – в ней лежали возможности.

– Кхы... кхы... – в парке ожили развешанные по столбам громкоговорители. – Степан Трофимович Сотрапезников, пройдите, пожалуйста, в свою палату. Вас ожидают. Повторяю! Степан Трофимович Сотрапезников....

Знаем мы, кто меня там ожидает. Быстро они, однако. Или это не полиция? А кто? Молодые коллеги по бывшей службе желают узнать подробности происшествия со стрельбой в Богадельне? Ага, вот мы и пришли. Для ручья, протекавшего через парк, в стене был сделан зарешеченный сток. Небольшое усилие – и одна за другой несколько подпиленных прутьев загнуты вверх. Чёрт, ногу в ручье промочил. Те-

перь мои следы даже слепой за километр увидит.... Но, надеюсь, будет уже поздно.

– Всем, кто видел Степана Трофимовича Сотрапезникова в последние полчаса! Граждане, срочно сообщите об этом дежурному врачу. Возможно, нашему товарищу стало плохо и ему необходима помощь! Всем, кто видел....

Большой пластиковый короб ангара, оформленного на подставное лицо, ключи слева под днищем... вот они... открываем. Не думал я уже, что придется воспользоваться этим подержанным псевдолимузином. Псевдо – потому как на самом деле это авиетка, амфибия и автомобиль сразу. Но сделан так, что....

– Никак уезжать собрался?

Я резко обернулся на голос и замер с открытым ртом.

# Неожиданный попутчик

У входа в ангар стоял Яков Рувимович Штокман, помахивал своей тросточкой и ухмылялся. По сравнению с другими обитателями нашего приюта для стариканов, выглядел он почти молодо. Чуть за шестьдесят, бритый череп, черные усы и даже сережка в ухе. Впрочем, сережка была непростой, это я сразу понял. Яков Рувимович был бойцом видимого – и даже скорее видящего – фронта. Судя по его личному делу (а уж поверьте, с личными делами своих соседей я нескромно и тайно ознакомился в первую очередь), Штокман был непревзойденным мастером подслушивающих и подглядывающих устройств. Сам придумывал, сам мастерил – буквально из ничего. В принципе ему бы еще работать да работать, но подвело любопытство. Не за тем взялся подсматривать...

– Никак уезжать собрался? – повторил свой вопрос Штокман, а его тросточка обвиняюще показала на стоявшую за мной авиетку. Затем описала замысловатый круг, пощекотав набалдашником воздух, и повисла на согнутом локте.

– Прокатится хочу! Так давно за руль не садился. Хотя бы вокруг богадельни... – и я бросил обаятельную улыбку прямо в старика Рувимыча. Но промазал. Впрочем, попасть в Штокмана улыбкой все равно, что сбить космолет из рогатки. Серьезный человек.



– Прокатиться? Ну тогда я тоже с тобой... покатаюсь.

Я отрицательно покачал головой. Забрался на водительское место, приоткрыл окошко и, высунув свою убитую сединами голову, произнес:

– Ты бы, Рувимыч, посторонился, а? Ведь не остановлюсь... Ты-то ладно, а вот тросточку твою жалко.

Но Штокман и не думал уходить с дороги. Не верит? Зря... А где ключ зажигания? Я поднял глаза и увидел, как Рувимыч вертит цепочку с моим ключом на пальце.. Вот же гад, а! А песчаная дюна времени стремительно таяла, приближая момент встречи с интересующимися мной лицами.

– Залезай! – буркнул я, разблокировав пассажирскую дверь.

Машина глотала километры, как голодный удав кроликов, а мой спутник заморожено смотрел на мелькающие пейзажи.

– Никак в горы едем? – поинтересовался он.

Я не ответил.

– Не сердись... – Рувимыч сделал паузу, приоткрыл окошко и выпустил... стрекозу.

Я с удивлением покосился на старого еврея.

– Моя последняя разработка, – гордо сказал он, – я, когда уходил, кое—что для себя оставил. Вдруг когда пригодится?

– Заначка на черный день?

– Можно сказать и так... Я ведь большим спецом был по био— и инфотехнологиям. Так что без ложной скромно-

сти скажу: такого на Земле еще нет.

– А где есть? На Марсе?

– На Марсе тем более нет... Но, возможно, есть там, куда ты собираешься удрать?

И неожиданно Штокман вернул мне брошенную в ангаре улыбку. Улыбка вышла так себе, помятой и грустной, стекла с уголков губ и исчезла, но она была...

– Та журналистка, которую ты спас, она ведь совсем не...

– А ты, конечно, не упустил случай подглядеть!

– Конечно, – легко согласился Рувимыч и очень похоже передразнил мое стариновское шамканье, – «где мой кефир? Во сколько нам кефир принесут?» Я ведь знаю, ты участвовал в операции «Кобра»... И это как-то связано с дальним космосом.

«Это невозможно!» – чуть вслух не ляпнул я, но вовремя сдержался.

А почему, собственно, невозможно? Теоретически накопленных землянами знаний вполне хватило бы, чтобы построить примитивный межгалактический корабль. Конечно, технологию путешествий «по лучу» мы еще не скоро должны были открыть, но... Я внезапно поймал себя на мысли, что говорю «мы». Забавно. Я внезапно поймал себя на мысли, что говорю «мы». Забавно. Давным—давно, когда мне исполнилось двенадцать, я ушел из дома. Нет, не с Земли – с другой планеты, старой, всеми забытой Фейты у догорающей звезды Алиона. Отец сам договорился с пиратами, чей

корабль совершил вынужденную посадку у древнего города, в развалинах которого мы обитали. Цивилизация Фейты рассыпалась лет за тридцать до этого, но отец еще помнил ее закат. Он многому научил меня за двенадцать лет.

Сейчас мне почти шестьдесят, и совсем нетрудно притворяться стариком Сотрапезниковым. Я вылепил себя из глины своих и чужих ошибок, тупиков судьбы, в которые нередко заворачивал молодым и непробиваемой уверенности в своих силах. Всю свою жизнь я от кого-то скрывался – сначала от пиратов, с которыми провел долгих пять лет и бежал, влюбившись в захваченную девушку; затем – от полиции с ее Родины, заподозрившей меня в похищении. От бандитов и мафии, от кредиторов и банкиров, от слабых ненадежных друзей и всесильных могущественных врагов. Даже от Службы галактической безопасности, когда дорос до масштабных космических авантур.

Впервые я попал на Землю совершенно случайно, и эта планета на задворках цивилизованного мира, стала моим тайным убежищем. Я выучил десять земных языков, я с интересом читал труды ее философов, я гулял по ее музеям, и когда меня по настоящему припекло – решил провести здесь пару спокойных лет. Благо проблем с чужой личиной не возникло, очень мне вовремя повезло с пропавшим без вести Степаном Трофимовичем Сотрапезниковым. Ну а изменить внешность и возраст даже на Земле давно не составляет каких-то проблем.

Нить моих размышлений зацепилась за возникший посторонний звук и лопнула. Мы как раз свернули на вполне приличный широкий тракт вдоль большого соленого озера, куда съезжалось много туристов со всей страны. Дикий туризм в последние годы вновь вошел в моду, и целые толпы молодых людей каждый год устремлялись в самые глухие места – Север, Сибирь, Якутию... Правда, сейчас был не сезон, и на берегу маячило лишь несколько одиноких надувных домиков. Ах, современный надувной туристический дом! Он не чета древним брезентовым монстрам. Все удобства, включая портативный водопровод и комнату—баню.... Возникший непонятный звук приближался откуда-то сверху. Ну, конечно! Флайер. По древнему – вертолет. И как пить за нами!

– Гражданин Сотрапезников! Срочно остановите транспорт!

Ну вот, уже и гражданин. Быстро они...

– Повторяю! Гражданин Сотрапезников, срочно остановите транспорт! В противном случае мы вынуждены будем принять меры к вашему насильственному задержанию.

– Гражданин Сотрапезников! Это последнее предупреждение...

Фраза оборвалась на полуслове. Звук резко изменил тональность и стал каким-то высоким и пронзительным, словно плач покинутой женщины. Флайер... он падал!! Прямо

в озеро! Над самой гладью от него отделилась небольшая серая точка – пилот успел катапультироваться.... Ничего себе! Это как?!! Я посмотрел на своего попутчика, но он лишь безмятежно вертел в руках какую-то совсем маленькую штучку.

– У этих флайеров такое примитивное управление, – заметил Штокман и .... достал из кармана несколько леденцов.

– Не хочешь? – поинтересовался он.

Я отрицательно помотал головой. Что ж, у каждого свои тайны.

Замелькали березовые околки, вдали появились первые, еще невысокие, холмы, а я вернулся к своим мыслям. Кем я был.... Когда-то я был обычным человеком. Оттого-то и мыслю совсем по-человечески. Как ни странно это прозвучит, но люди – самые хитрые существа во Вселенной. Есть более жестокие, более свирепые, более добрые, есть... всякие. Но вот более хитрых и изворотливых точно нет.

Говорят, лет восемьдесят назад было такое движение – антиглобалисты. Эти бедняги наивно верили, что превращение нашего мира в глобальную коммуналку можно предотвратить. Увы... Это болезнь любого постиндустриального мира. По крайней мере, я не видел ни одного, который опровергал бы эту истину. В глобальном мире при всех его плюсах есть один очень большой недостаток: человек в нем становится беззащитен. Вот такой странный парадокс. Ну, сами подумайте: если в любой момент Системе известно, где ты

и что ты, то тебе просто некуда скрыться от нее. А заодно от тех, кто имеет доступ к этой информации. Пока глобализация опиралась на компьютеры и Всемирную паутину, как ласково называли тогда интернет, были дыры, куда можно было забиться и не дышать. Но когда люди научились воспроизводить информацию на уровне поля, то есть практически повсюду вокруг себя, и Паутина стала действительно Всемирной, скрыться стало абсолютно невозможно. Самое смешное, что оптимистические прогнозы ученых насчет исчезновения преступности так и не сбылись. Она не только не исчезла, но и вполне комфортно себя чувствовала в новых условиях.

Мы давно миновали небольшой алтайский городок с икающим названием Бийск, затем столицу этого горного края – Горно—Алтайск... Наша авиетка сейчас ничем не напоминала саму себя, выехавшую пару часов назад из гаража. Мимо постов дорожной полиции проезжал серый невзрачный минивэн с местными номерами. И придраться-то особо не к чему.

– Капитан, – неожиданно присвоил мне звание Штокман, – по шестому Всемирному каналу нас объявили во всепланетный розыск. Нам еще далеко? Перекусить бы... чего-нибудь диетического. Язва ведь у меня.

– Через сорок километров сворачиваем на проселок, затем километров через десять прячем машину, обедаем сви-

ной диетической тушенкой и идем в горы искать транспорт.

– Как это диетической тушенкой? – не понял юмора Штокман. – Разве тушенка бывает диетической?

– Конечно! – ответил я. – Если держать свиней на диете....

Я уж не стал сообщать ему, что срок годности этих консервов вышел еще тридцать лет назад на планете Олдавия, где они собственно и были изготовлены. Из местной разновидности ржавой свиньи.

Вообще-то мясо ржавой свиньи – большой деликатес. Его подают в элитных ресторанах многих планет, причем оно совершенно не требует какой-то особой обработки. Достаточно просто присолить его за полчаса до употребления. Беда в том, что ему необходим уникальный режим хранения. Существует целая индустрия по производству установок для хранения мяса диких и домашних ржавых животных. Стоимость такой установки под силу лишь крупному ресторану и недоступна обычной домохозяйке. Мясо ржавой свиньи имеет волшебный вкус и целый набор лечебно—профилактических свойств. Говорят, оно спасает даже от укуса олдавского ядовитого крокодила, но скорее всего, это байки. От укуса олдавского крокодила нет противоядий.

Всем хороша ржавая свинья. Кроме одного – она ржавеет. Причем, еще при жизни. Покрывается большими рыжими пятнами, совершенно безопасными для ее здоровья, но делающими мясо малопригодным для употребления в пищу. Именно из этого ржавого мяса и изготавливают консервы

для наемников: дешево и сердито. Сам-то я уже имел удовольствие ими питаться, а вот Штокману еще только предстояло познакомиться с этим удивительным изделием олдавской пищевой промышленности....



# Неопознанный кричащий объект

Рувимыч с деловым видом обошел корабль – минут за двадцать, пока я вспоминал многочисленные пароли – но, вернувшись, ничего не сказал, уселся в кресло и устало прикрыл глаза.

– Ты зачем меня этой гадостью накормил? – спросил он некоторое время спустя.

– А что, разве невкусно?

– Помню, однажды ребята меня копченой жабой угощали, так по сравнению с твоими консервами это был деликатес. Хотя я их чуть не поубивал после той шутки.

Он погладил себя по лысой голове и икнул. И вправду, а зачем я его накормил? На корабле прекрасный пищевой синтезатор, хоть омаров по-миссурийски заказывай. Пища, конечно, искусственная, но по вкусу от настоящей не отличишь. Наверное, это просто традиция. Я много лет прожил на Олдавии, а там, отправляясь в дорогу, всегда едят ржавую свинью.

– На удачу, – ответил я. – ржавую свинью едят на удачу.

– Так это действительно была свинья? – возмутился Штокман. – Я же не ем свинину! Мне врач запретил.

– Врач у тебя теперь я. И еще вон тот пищевой синтезатор. Показать, как пользоваться?

Оторвавшись от оперативных сообщений, возникающих

на техэкране, я запустил синтезатор. Запустил, подумал и заказал себе сок монгольских ягод. Приятный тонизирующий напиток, хорошо снимающий усталость. Монголия... Нет, вовсе не та страна пустынь, что находится на Земле. Название Монголия, как ни странно, очень часто встречается в космосе. Буль Малявка, артурианский исследователь малоразвитых цивилизаций дальнего космоса, даже выдвинул теорию о том, что дикие отряды какого-то Батыя в свое время захватили несколько космических кораблей и принудили мирных исследователей отвезти их к себе домой. Впрочем, Буль Малявка всегда пользовался скандальной известностью. Чего стоит его теория Большого Взрыва, в результате которого якобы возникла наша Вселенная! Ни одно сколько-нибудь серьезное научное общество не взялось даже обсуждать столь нелепое предположение. После чего Буль Малявка нарушил все этические нормы – он стал подкидывать эту идею в малоразвитые миры!

Пока я наслаждался напитком, Штокман неумело заигрывал с клавишами синтезатора, создавая длинный список лекарственных средств с подробным химическим составом и желательными ароматическими и вкусовыми добавками.

– Изверг! – бурчал Рувимыч. – Накормить больного старика просроченной свининой! Чудовище!

Тем временем, корабль закончил расчет курса и тихо, совершенно бесшумно, покинул атмосферу Земли. Стиральная машина и та производит больше шума. На орбите, впро-

чем, мы задержались. Требовалось «положить луч», как говорят пилоты. Вопреки распространенному на заре космонавтики мнению, Вселенная вовсе не бесконечна. Это относительно небольшое космическое пространство, имеющее шарообразную форму. Почему и как так вышло – не знаю. Слышал, конечно, очередную теорию Буля Малявки, но это совершенно антинаучный бред! Буль утверждает, что Вселенные надуваются, словно воздушные шарики! Некими пока необъяснимыми сверхсущностями. А потом, по словам Малявки, Непостижимая Сущность, наигравшись со Вселенной—шариком, берет и прокалывает его иголкой.

Как бы то ни было, но в шарообразной Вселенной расстояние между любыми объектами имеет двойственный характер: «по стенке» и напрямую. Не знаю, какая из цивилизаций первая изобрела технологию транспортного луча, но пользуемся ею давно и повсеместно. Ага, ну вот и мы «положили луч»! Осталось отдать команду...

«Неопознанный летающий объект!»

Большие красные буквы на техэкране и мигание аварийной лампочки.

«Неопознанный летающий объект!»

Позвольте, черт возьми! Это мы неопознанный летающий объект! НЛО, как называют такие корабли уфологи.

«Неопознанный летающий объект запрашивает помощь. Включить голосовое сопровождение?»

– Включить!

– Помогите!! Кто-нибудь да помогите же!! – насмерть перепуганным женским голосом завопил «неопознанный летающий объект».

– Включить внешние динамики! – приказал я и обратился к отчаянно кричащему НЛО. – Прошу успокоиться, назвать себя и объяснить причину своего появления в этом секторе околоземной орбиты.

– Говорит Марина Сусликова, – заметно успокоившись, ответило «НЛО» и тут же опять сорвалось на крик, – я космическая туристка с орбитальной станции! У меня веревка лопнула во время выхода в космос! По-мо—ги—те!!!!

# Индивидуальный тур в дальний космос

Космический туризм зародился на рубеже веков. Человечество только-только начало осваивать космос и засылать свои беспилотные зонды к соседним планетам. На орбите вокруг земли крутилась международная космическая станция, и именно там за огромные по тем временам деньги могли побывать тренированные богатеи. С тех пор мы достаточно далеко продвинулись в космос. По крайней мере, люди долетают до окраин Солнечной системы и даже заглядывают в пояс Койпера. На всех планетах, за исключением Урана и Меркурия уже построены исследовательские станции, а на Марсе целый десяток туристических комплексов. Сейчас строится первый такой комплекс и на Венере. После изобретения «Алхимика» — портативного регенератора, который преобразует в кислород практически любой газ из окружающей среды — и гибких, не сковывающих движения скафандров, проложить туристический маршрут можно на любой планете. Вопрос чисто финансовый. Чем дальше планета — тем дороже доставка. И если на Земле все—таки хватает миллиардеров, чтобы не пустовали отели на Марсе, то на Сатурн способны раскошелиться лишь единицы.

А для обычного среднего класса вокруг Земли до сих пор

летают международные туристические станции. Около полусотни. Здесь и путевки подешевле, и сервис «покомпактнее». Для любителей острых ощущений существуют экскурсии в открытый космос и космические «тарзанки», когда человека в скафандре отпускают в «самостоятельное плавание», зацепив за специальный длинный трос. Туристы гордо именуют себя «космическими» и формально это так, но... Но те, кто ходил по пустыням Марса их таковыми уже не считают.

«Космическая туристка Марина Сусликова» оказалась молодой симпатичной девушкой с большими и зелеными, как у кошки, глазами.

– Какая прелесть! – заявила она, откинув капюшон скафандра и встряхнув пышной копной темно—русых волос. – Вы так здорово все придумали! Вот это экстрим так экстрим. Расскажу подругам – они поумирают от зависти. Одна! В космосе! Без надежды...

– Э... Марина... как вас по отчеству?

– ...Михайловна... на спасение! Ни сколько не разочарована в том...

– Марина Михайловна, послушайте...

– ...что я сюда попала. А этот появляющийся из ниоткуда корабль, из пустоты, из мрака... когда отчаяние захлестывает тебя...

– Марина Михайловна!

– ...нет—нет, не перебивайте! Я еще не высказала всю...

– Марина Михайловна! Мы не туристическая компания! Мы вообще не имеем никакого отношения к вашему путешествию! Не имели...

– Не туристическая компания? А кто же вы? Такие милые старички. У вас тут бородавка под ухом. Моя соседка делает замечательные настои от бородавок. Берете триста грамм березовых тычинок, собранных ранней весной, когда...

– Марина Михайловна! У вас шок?

– Да нет у меня никакого шока. Да, я разволновалась там, за бортом, в открытом... как его... космосе... Но сейчас, на борту вашего замечательного космолета... вы же доставите меня обратно на станцию? У меня тридцать четвертая каюта! Я вас чаем угощу. Ну, так вот, про бородавки...

– Послушайте, вы не сможете вернуться на станцию. И на Землю тоже! Сожалею, но наш корабль уже на транспортном луче.

– Вы говорите не как старик. Они совсем другие слова используют. И интонирование у них иное, и даже сама структура речи... Да, что вы сказали? Не сможете вернуть меня на Землю? Это невозможно! У меня машина неправильно припаркована – там такой штраф уже набежал!

– Ну, может быть когда-нибудь...– сочувственно развел руками я. – Но очень—очень не скоро.

Девушка беспомощно оглянулась на обзорный экран, но увидела там лишь космическую пустоту. Ни Земли, ни иных планет Солнечной Системы, ни самого Солнца уже

не было. Транспортный луч выводил нас из Солнечной системы, и мы стремительно уносились по невидимой трассе все дальше и дальше от родной планеты. Только вот почему туманность Конуса? Насколько я помнил, на случай бегства я задавал совсем иные координаты... А, впрочем... не все ли равно.



# Приказано остановиться

– Съешь вот это, деточка, очень вкусно!

– Спасибо, Яков Рувимович... не хочу.

Как все—таки одежда меняет человека! В первый же день Штокман буквально ополовинил мою гардеробную. Собственно, гардеробная на корабле была не совсем моя. Да и корабль, признаюсь честно, попал ко мне не совсем законным путем. Вы не поверите, но я его... нашел. Не купил, не угнал, а именно нашел. Это было лет двадцать назад в Рыму, есть такая курортная планетка на пересечении оживленных космических трасс. А на самой планете – материковый заповедник. Рим раза в два больше Земли, а материков там целых четырнадцать. Один из них – размером с нашу Австралию – закрыт для туристов, это охранный природная зона. Именно там я и отдыхал полгода. Пока находился в галактическом розыске за аферу с переименованием звездной системы Ласур. Ничего серьезного, так себе дельце. Я даже не заработал как следует – Служба галактической безопасности успела перекрыть все финансовые потоки. Тем не менее, это приключение я вспоминаю с удовольствием. Деньги – ерунда, не из-за них все затевалось. На меня неожиданно вышла Партия консерваторов с необычным предложением. Дело в том, что постоянно сменяющиеся политические власти Ласура каждое свое правление начинали с того, что пере-

именовывали столицу и другие крупные мегаполисы и сносили памятники, установленные своими предшественниками. Мания какая-то. Моей задачей было найти способ прекратить это безобразие. Задача из тех, искать решения которых мне ужасно нравится. И после некоторых размышлений я ударил по самому святому – названию самого народа, а заодно и всей звездной системы. Аборигены пришли в ужас. И стали активно отчислять в созданный мной Фонд защиты Ласура немалые средства. Возникло движение под лозунгами сохранения исторических имен. Через год оно набрало такую силу, что само пришло к власти, а среди политической элиты стало дурным тоном заикаться о переименованиях. Кажется, они даже приняли Неотменяемый закон об их запрете. Впрочем, к тому времени я уже был в бегах, тщетно пытаясь сохранить хоть что-то из нескольких миллиардов кредитов, собранных с населения.

Над Заповедником, где я прятался от СГБ, плавали Малиновые туманы, в реках плескалась непуганая рыба, пальмы гостеприимно предлагали мне плоды... И пока Время крутило баранку своей машины, я беззаботно жил среди племени аборигенов—пигмеев. А что мне еще оставалось делать? Улететь не на чем, а в любом более или менее цивилизованном местечке меня обнаружили бы максимум через полчаса. Оставалось надеяться на чудо. Я надеялся. Оно произошло. Возвращаясь с дальней охоты, группа пигмеев решила

пройти через горное плато, и обнаружила этот корабль. Как он туда попал? Что случилось с хозяевами? Этого я не знаю, да и никогда не стремился узнать. Но, судя по оставленному гардеробу, хозяева вели весьма экзотический образ жизни.

В длинном синем халате с большими желтыми звездами на спине, Рувимыч напоминал сказочного джина. Бритая голова, черные пышные усы, дорогие перстни на пальцах. Широкие рукава халата мелькали вокруг Марины словно лопасти заботливой мельницы. Девушка была бледна, но спокойна. Слезы уже высохли, и теперь она потихоньку приходила в себя. В конце концов, когда альтернатива смерть или ссылка, то последнее как-то предпочтительнее.

– Мариночка, я вам как доктор говорю, – сюсюкая, словно с ребенком, настаивал Рувимыч, – сладкое пирожное снимает стресс. Скушайте, я вас умоляю!

Он еще и доктор, оказывается! Я незаметно усмехнулся и уткнулся в книжку по навигации. Сделал вид, что читаю.

– Вы доктор? – зеленые глаза Марины доверчиво посмотрели на моего спутника. – Корабельный врач, наверное?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.